

УДК 11

**О «ПЕРЕОТКРЫТИИ»
ПРОСТРАНСТВА И ВРЕМЕНИ И ИХ СПЕЦИФИКЕ
В СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОМ ЗНАНИИ**

Г.П. Меньчиков

Аннотация

В статье представлена попытка прояснить сущность происходящего философского переоткрытия пространства и переоткрытия времени, выявить их особенности в контексте социально-гуманитарного знания. Проблема заключается в том, что современное неоклассическое понимание пространства и времени существенно отличается от классического и неклассического. Кроме того, в социально-гуманитарном блоке знаний представления о пространстве и времени не совпадают с философским и естественно-научным пониманием.

Ключевые слова: классическое миропонимание, неклассическое миропонимание, неоклассическое миропонимание, фрактальный детерминизм, фрактальный континуум, хронотоп, ситуационный подход, истина со-бытия.

В формирующейся неоклассической философии происходит немало важнейших поворотов и переоткрытий. К ним относится и «пространственный поворот» и «переоткрытие времени», суть которых – переход к более *реальному* осмыслению пространства, времени, пространственно-временного континуума [1, с. 188–206; 2, с. 7; 3]. Попытка прояснить сущность происходящего переоткрытия в современной неоклассической философии и под влиянием такой детерминации понять его некоторые специфические проявления в социально-гуманитарном знании является целью данной статьи. Пространство и время фиксируют и выражают значимое *ситуационное состояние* бытия [4] в его вечно-бесконечном всеобщем состоянии, имеют существенное *жизненное* значение, поэтому неизбежно переосмысливаются. В качестве сущности и существования в сущем «пространство как постоянство настоящего времени» и «время как пространственная местность» онтологически неразрывны и совпадают, но различаются в абстракции [5, с. 33]; в целях дискурса их приходится рассматривать в некоторой очерченности и последовательности.

О переоткрытии пространства и его гуманитарном контексте. Пространство как философская категория имеет три стадии своего развития: классическое линейное пространство, неклассическое нелинейное пространство и формирующееся современное неоклассическое фрактальное пространство. Чтобы выявить сущность последнего, попробуем сравнить их. Методологически исходным положением здесь является «детерминистическая эволюция»: меняется понятие

о сущности детерминированности – меняется и представление о пространстве и времени [1, с. 198–201].

В классическом типе мировоззрения, основанном на линейном типе детерминизма (на причинности – односторонней, монокаузальной или даже вероятностной), под пространством понимали и понимают абстрактное пространство, а также субстанциональное пространство. Пространство – это пустота, некоторое *готовое* вместилище, раз и навсегда *данное* неким Абсолютом, характер которого в ранний, средний и поздний периоды мировоззренческого классицизма видоизменялся, но не менял своей *потусторонней* сути. Пространство есть существующая отдельно от своего носителя некая *атопичность*, нечто отдельное от того, чьё это пространство, или, наоборот, некий топос, трансцендентно *наделённый* внешними условиями существования тел, предметов. Пространство в результате понимается как абсолютное или реляционное – наполненное совокупностью отношений между предметами, отдельных от самих предметов. Такое понимание сущности пространства исходит из так называемого классического представления сущего как мироздания, однажды «возникшего», «сотворённого», «заданного», «изначально готового», – одним словом, *ставшего* бытия (вне его становления); а следовательно, пространство утверждается как нечто внешнее, *привнесённое* в бытие и/или постулируется отсутствие фактически реального пространства, его неподлинность.

Основой для подобных выводов служит абсолютистское мышление и миропонимание, выразившееся в единой механистической картине мира, в открытии единственной линейной размерности – евклидовой геометрии. Поскольку пространство полагалось *привнесённым* в бытие *извне* – имманентно (имманентизмом), либо трансцендентно (трансцендентализмом), – то невольно оно представлялось ещё и редуцированным: евклидовым, прямоугольным, линейным (и при этом обосновывающим и провоцирующим иерархическое линейное мышление и преимущественно силовую, насильственную методологию действий человечества). Этим объясняется его обобщённое понимание и название – *классическое линейное пространство*. Таким образом, начиная с античности и до середины XIX в. под философским пространством понимались различные придуманные редукции и гиперстазирования *атопичности* бытия и его конечных явлений, оторванные от реальной жизни бытия (сущности и существования сущего), а вопрос о научной специфике социального пространства перед человечеством долго не возникал.

В неклассическом типе мировоззрения, основанном на нелинейном типе детерминизма (преимущественно на произволе случайности в мироздании, релятивизме и/или догматизме, посястороннем индетерминизме, но потустороннем «детерминизме»), под пространством стали понимать «свободную игру структуры» (Деррида). В таком типе мировоззрения была высоко оценена роль хаоса, произвольная игра случая, где действует структурная форма детерминизма, или хаосообразный организующий принцип структуры. Но хаос опять же рассматривался как *привнесённый извне*. Под неклассическим пространством стали понимать релятивистское нелинейное пространство.

К нелинейному пониманию пространства привёл ряд открытий. К середине XIX в. механистическая картина мира стала исчерпывать своё общеполитическое

значение; произошло открытие энергийной стороны бытия (А. Шопенгауэр, К. Маркс, Ф. Ницше, В. Дильтей, А. Бергсон, З. Фрейд и др.); открытие иной размерности – неевклидовой геометрии (Н.И. Лобачевский, Я. Бойяи, Б. Риман); открытие теории относительности (А. Эйнштейн); открытие изменяющейся метрики мира, «красного смещения» (Э. Хаббл); открытие соотношения неопределённостей, нелокализваемости взаимодействия (В. Гейзенберг, М.А. Марков); открытие квантования пространства и времени, неоднородности бытия. Всё это не могло не сказаться на том, что понимание пространства стало не только *углубляться, но и резко субъективизироваться*. В неклассике пространство – это различные плюралистические структурные формы бытия, *сконструированные и предустановленные* по-прежнему неким Абсолютом, но уже более сложным – хаосообразным «трансцендентным субъектом», другой «формой форм»; кроме того, под пространством стали пониматься и априорные формы чувственного созерцания объёмов, отрезков, точек; упорядоченные формы ощущений, лишь конструируемые психикой «наблюдателя», опытными данными «индивидуального субъекта». Однако главное: пространство в неклассической философии стало мыслиться более сложным, но *всё равно привнесённым* либо «трансцендентным субъектом», либо трансцендентно вброшенным в бытие «индивидуальным субъектом». Объективности ради необходимо отметить, что весомый вклад здесь внёс структурализм с его «структурной детерминацией». В понимании сущности пространства он, в частности, совершил перенос акцентов с систем готовых пространственных структур на процесс их производства, но со свойственной для структурализма стратегией переоценки роли случайности, вплоть до «произвола случайности» (В.И. Аршинов), а также архаичного разрыва (внутреннего и внешнего, случайного и необходимого и т. д.) и сбоя в индетерминизм. Итак, если классические представления пространства-времени исходили и исходят преимущественно из привнесённого извне «мира ставшего бытия», то неклассические опираются тоже на привнесённый, но «мир становления бытия», на абсолютизированную «текучесть» его становления.

В неоклассическом современном миропонимании дискурс сущности пространства и времени выходит на другой уровень сложности [6–8]. Он основан на фрактальном типе детерминизма (на определённой мере самодвижения жизни относительно конечных объектов в вечном-бесконечном мироздании). Фрактальный тип детерминизма аккумулирует сходные черты синергетического и ситуационного подходов к бытию. Ситуационный подход «содержит в себе и ситуативность, и системность» синергетического факта спонтанного структурогенеза в бытии [8, с. 9], а в отношении пространства-времени он фиксирует факт различного состояния и формы самодетерминации бытия. Под сущностью пространства понимается уже не линейное и даже не нелинейное, а фрактальное пространство (бахромистообразное). Речь идёт о том, что представление о философском пространстве вышло за рамки как линейного пространства (евклидова), так и нелинейного или криволинейного пространства (Н.И. Лобачевского, А. Эйнштейна) и поднялось на третий уровень – фрактального пространства (Б. Мандельброта) [9]. Под фрактальным пространством имеются в виду особые «множества, форма которых принципиально отличается от традиционных евклидовых геометрических форм (точки, линии, плоскости). Процессы,

отражающие собой некое фрактальное самоподобие, основаны прежде всего на принципе обратной связи, когда результат одной итерации¹ является начальным значением следующей» [10, с. 28]. Следовательно, во-первых, процессы рождаются, формируются ситуационно – по мере появления случайно-необходимой ситуации; и, во-вторых, топосы бытия конечных явлений бахромисты, рваны, а не линейны и не нелинейны или криволинейны. Их протяжённость и рядоположенность образуются по закону «ситуационной детерминации», а не задаются извне.

Если подходить с позиции генерирования, то *пространство здесь всякий раз рождается, генерируется, возникает, обретается, оно не бывает готовым*. В неоклассике уже всерьёз принят и, наконец, понят факт самовоспроизводства бытия. Из трёх типов детерминизма (классического линейного, неклассического нелинейного, неоклассического фрактального) в самовоспроизводстве бытия учитывается современный неоклассический фрактальный детерминизм [11]. Здесь мы имеем дело с другими механизмами порождения и самопорождения бытия, в том числе и пространства. Среди них пока известны клинамен, аутопоззис, интерфейс, рекурсия, итерация – факты и эффекты, доказывающие феномен самовоспроизводства бесконечности, вечности и самопроизводства относительно невечных конечных форм проявления их жизни.

Фрактальный детерминизм, *во-первых*, связывает себя с поворотом к *реализму* понимания и осуществления детерминации(-й), то есть с поворотом к ситуационной, а потому фрактальной детерминированности. Это значит, он учитывает факт *осуществления* действия в бытии, а не только и не столько его оязыкования, означивания, обещания делания, артикуляции, интенции, которые есть тоже событие, но все-таки *со-бытие*. *Во-вторых*, фрактальный детерминизм связан с фактом укоренённости *делания* не на какой-либо одной стадии действия, а на *всех трёх стадиях* самодвижения бытия: подготовительной, текущей и стадии осуществления делания; причём это относится как к бытию в целом, так и к его конечным явлениям, и происходит не бинарно, а бинокулярно, симультанно – как с процессом и результатом, так и с переходной фазой процесс-результата. *В-третьих*, под детерминизмом во фрактальном его типе понимается незавершённая процессуальность любой системы как в принципе всегда открытой системы, а потому такой, где постоянно происходит неразрывное единство внутреннего и внешнего при *доминировании* внутренних самопроизвольных (клинаменных или инклинционных) моментов делания, переработки и превращения внешних во внутренние, где и возникает то, что называют «аутопоззисом». *В-четвёртых*, в любой системе аутопоззис, клинамен возникают на стыке, в складке, интерфейсе, трансгрессии фрактальных подсистем (дробных, рваных, бахромистых по периметру топосов, свойств, состояний, функций, структур относительно конечных явлений сущего); вспыхивают в складке пространственно-временных топосов, где аутопоззис, клинамен рекурсивно превращаются в причину и следствие по отношению друг к другу и к третьему (Николеску), тут же «вбрасываясь в топку» этого же ситуативного детерминационного процесса. *В-пятых*, фрактальный детерминизм связывает себя с *различной* мерой и различным характером

¹ Итерация – это процесс повторения процедуры неопределённое число раз.

фрактальных «стыков», «складок» (фрактальной мерой взаимодействий, диффузии своих состояний, свойств, функций, частей структур) этих фрактальных подсистем. Поэтому фрактальный детерминизм признаёт принципиальные *различия в работе* форм детерминизма: причинности, обусловленности, детерминации средой и др. Фрактальный детерминизм не сводит детерминизм лишь к причинности (тем более линейной, монокаузальной) либо к другой его форме, как это было раньше.

Если подходить к сущности пространства с позиции топоса, то *пространство есть некая ситуационная остановка, передышка, временная стабильность в формирующейся и сформировавшейся порядко-хаотической структуре бытия*. (Интересно, что М. Фасмер указывает на связь русского слова «время» с древнеиндийским *vartma* – колея, рывина, дорога, желоб). «Топос “обитания” сложных систем находится на границе *между* порядком и хаосом, в зоне странных аттракторов», внутри сложности которой находимся мы сами [7, с. 75]. Фрактальное пространство есть мера протяжённости некоей сложности (относительные и бахромистые пределы его складывания и сложенности) спонтанности каждого объекта, его некоей временной (длящейся) упорядоченности, порядка, границ его топоса. Топос сложности-слаженности находится всегда «*между*», на границе, в зоне причудливой (ситуационной) смеси случайного и необходимого, внутреннего и внешнего, всегда между темпорально изменяющейся фрактальной границей начала (то есть предбытия) и конца (перехода в инобытие) объекта, его «жизни» и «смерти». Граница пространства – это относительные пределы «жизни» и «смерти» объекта, начала и конца ситуационной данной спонтанности и переход в другую спонтанность с иной мерой изменчивости (темпоральности) и мерой и формой протяжённости (топоральности).

Для понимания сущности пространства, с учётом факта самовоспроизводства бытия, необходимо окончательно отказаться от привнесённости и от разрыва и противопоставления двух миров («мира ставшего бытия» и «мира становления бытия») и преодолеть их бинарность, чего так и не смог сделать даже поздний постмодернизм. В онтологическом повороте к современному пониманию сущности пространства важна не только сама известная «складка», но и схлопывание в ней, резонансность, в которых детерминационный эффект не просто сильнее, но он другого типа. Причём «складка» лежит вне границы непосредственного физического смысла. А это уже фрактальное явление. Оно основано на том, что здесь действует не просто нелинейная, а элемент фрактальной детерминации (самоподобная хаосообразная с элементами плато бахромистая детерминация).

Итак, в современной неоклассической философии *под пространством понимается фундаментальная категория, отображающая протяжённость (простираемость) как порядко-хаосного бытия в целом, так и различных фрактальных (рваных, бахромистых, самоподобных) форм, всякий раз ситуационно возникающих протяжённости-рядоположенности-сосуществования топосов конечных явлений в бытии*. Пространство – это не готовая, а самовозникающая, конструирующаяся простираемость или протяжённость относительно конечных явлений бытия; их фрактальная рядоположенность; занимаемая фрактальная объёмность сосуществования (фрактальный топос). Современное учение

о пространстве утверждает, что в мироздании нет готового пространства, а поскольку оно всякий раз ситуационно самозарождается, то объективно его нет как абсолютно линейного или криволинейного, оно есть всегда разное, фрактальное, ситуационно-системное.

Таким образом, пространственный поворот состоит в том, что, «вместо беспочвенной метафизики и всевозможных форм социологического редукционизма» [1, с. 144], под пространством стали понимать всегда чью-то меру простираемости жизни относительно-конечного явления. Поэтому в бытии нет «пустоты», в которой онтологически ничего нет и ничто не простирается; а «вакуум» есть условное допустимое понятие (но мало ли что можно «допустить», «представить» конструирующему всё и вся духу человека). Неоклассическая философия подчёркивает, что пространство неотрывно от своего носителя, *пространство – это всегда чьё-то пространство*, чья-то неодинаковая фрактальная простираемость, где возникают самобытийные *«пространственно-временные окна»* (В.С. Стёпин) с их фиксированными границами *устойчивости* в динамическом хаосе бытия и в то же время *горизонтами их изменений* [2, с. 12]. Здесь важна, наконец, не редукция «вниз» или «вверх», но *реалистическая* стратегия осмысления бытия и его пространства, преодоления давнего противостояния линий субстанциализма и функционализма [3, с. 117].

Реализм в понимании сущности пространства особенно заметен при осмыслении *социального пространства* с его неизменным каким-либо культурным текстом и контекстом. Отметим, что пространство есть присутствие в бытии, присутствие как имение Места, как дар, как вручённое пребывание [12, с. 398], – это замечательная мысль, но её, по-видимому, недостаточно. Специфика социального пространства проявляется, во-первых, в том, что оно – самовозникающая, динамичная простираемость и рядоположенность совместно *живущих* живых людей (не «вещей» и не «разумных, но всё-таки животных») *с их фрактальным (неформатируемым) проживанием и переживанием проживания* совместной жизни. В таком ракурсе наиболее заметно, как и почему пространство превращается в пространственно-временной континуум, который к тому же получает новую трактовку. Пространство мест становится пространством потоков, которое есть «материальная организация социальных практик, которые доминируют в сетевом обществе и формируют его» [13, с. 64]. Всё начинает решать скорость коммуникаций, «не скорость движения, а скорость решений, скорость трансакций». Если традиционное пространство структурировало время, а время структурировало пространство, то сегодня ситуация качественно изменилась. Пространство стало событийным, относительным, географически гибким: оно сжимается, разжимается, снимаются его географические границы [14, с. 66]. Социальное пространство означает не столько фрактально складывающуюся протяжённость (территории), сколько интенсивность и наполненность всеобъемлющих отношений. Социальное пространство – это *поля системы отношений*. У него замечается иная обусловленность, фрактальная детерминация, другая пространственно-временная структура. «Жизненное пространство личности является своеобразным полем, на котором сталкиваются различные силы, детерминирующие тенденции, устремления. <...> В этом поле в скрытой форме уже имеются все возможные векторы движения личности. Личность пребывает

в мультистабильном состоянии, совершает случайные блуждания по полю возможностей. Имеет место зигзагообразный путь, актуализирующий всякий раз одну из имеющихся возможностей» [15, с. 90–91].

Во-вторых, социальное пространство обладает особым человеческим смыслом, оно становится *пространством ноосферы*. Оно расчленено на ряд подпространств, *не столь стабильных*, как, например, у «микромира», «макромира», «мегамира». Пространство и подпространства ноосферы исторически меняются по мере развития общества и культуры человека. Уже на ранних стадиях формируются особые пространственные сферы жизнедеятельности, значимые для человека, – «очеловеченное пространство» (жилище, поселение). Оно существенно отличается тем, что определено отношениями человека к миру, исторически-временными особенностями воспроизводства способов человеческой *деятельности* и поведения. Специфические черты социального пространства отражаются в мировоззрении человека соответствующего времени, в нём действуют добрые/недобрые, непонятные человеку силы. В представлениях, наделённых ещё и *символическим* значением, различается греховный мир и мир небесный – мир «чистых сущностей», выделяются «иррациональные места», периоды времени и особые направления паломничества к святым местам, особые места в храме, дающие исцеление и искупление грехов.

В социальном пространстве важно учитывать, что оно не просто отражает культурно-гуманитарные контексты, но и активно воздействует, *конструирует* общественную и частную жизнь: оно мировоззренчески функционирует в качестве своеобразной *культурной матрицы*. В соответствии с пространственной архитектурой в определённые времена закрепляется и распространяется характерный образ жизни людей, определённый тип отношений социального пространства, связи человека с человеком, человека с природой. В пространственной композиции городской архитектуры сконструированы особенности производственной жизни и быта людей того или иного этапа истории общества, специфика их социально-культурных связей, особенности этнических традиций. Новые пространственные формы наслаиваются на прежние, меняя городскую пространственную среду, «подгоняя» временное-историческое развитие.

В-третьих, особенностью социального пространства является значительное *несовпадение* метрического и топологического, физического и социально-культурного, поэтому в социальном пространстве возможны и сильно искажающие очки. Люди, пространственно проживающие рядом, социально могут находиться далеко друг от друга, и наоборот. Поскольку социальное пространство – это прежде всего мера социально-культурных отношений, то возможно не телесное, а «социальное обнуление» или наоборот: «историческая личность», но небольшого роста; «нулевой субъект», но богатырского телосложения; а у любящих – «весь мир на двоих» и т. п. Таким образом, пространство как категория социально-гуманитарного знания – это мера простираемости-протяжённости ноосферной жизни человека, всякий раз возникающая, живая, подлинная спонтанность, фрактальная рядоположенность её культурных матриц, композиций, форм.

Сегодня всё большее социально-культурное значение приобретает *пространственный фактор бытия, детерминированный временным*. Арифметическую прогрессию здесь заменяет геометрическая. Наукоёмкий труд, наукоёмкие

экономики приводят, по Э. и Х. Тоффлер, к «реорганизации времени» и «размыванию границ пространства». Возникают «ускорения ускорений», «инновации, рождающие инновации», новые «оккупанты и оккупированные» [16]. На смену эпохам насилия постепенно, хотя и драматически, приходит эпоха толерантности: уходят в прошлое такие агрессивно насыщенные понятия, как геополитика, империя и др.; приходят иные: экономическое пространство, культурное пространство, информационное пространство, региональные пространства и т. д. Они неплохо выполняют свою социально-гуманистическую роль. В них подчёркивается действие *конвенционально* единых правил жизни человеческого сообщества, добытых толерантным, то есть культурным, способом. Ярче заметен социально-гуманитарный контекст.

Понятия «бесконечность-конечность» и «вечность-невечность» в социально-гуманитарном знании имеют не только количественный, но и прежде всего качественный смысл. Срабатывает закон неравномерности развития конечных явлений бытия. Как поясняет его А.В. Рубцов, на повышенных скоростях изменений ткань социальной материи (ускоряемая мгновенностью и иным качеством коммуникаций – НВІКС) расслаивается, успевают возникать разрывы-дискретности и новые топоры-образования. Различия конкретных топорных становятся жизненно значимыми, порой болезненными, часто кровавыми [17, с. 37]. Информационные технологии оказывают влияние на формирование особой культуры – «электронной культуры» (А. Ронки, Л.В. Баева) [18, с. 78]. Специфика социального пространства тесно связана со спецификой социального времени.

О переоткрытии времени и его гуманитарном контексте. Выявляя сущность времени, можно заметить, что здесь также исторически сложились стадии представлений о времени: традиционное линейное (классическое) время, нетрадиционное нелинейное (неклассическое) время, формирующееся современное фрактальное (неоклассическое) время.

В *классическом мировоззрении* отмечается либо наивное восприятие времени, либо время понимается как вечное, данное извне, одинаковое, константное, необратимое, цикличное, некая вечно существующая субстанция, текущая линейно, отдельно и независимо от своего носителя. Вокруг него можно организовывать социальные процессы. Главная характеристика традиционного классического времени – *линейность*. Однако внутри классического периода представления о времени различаются. Так, по сравнению с житейским (натуралистическим, библейским) периодом, в *античном* мире начинают различаться: хронос (вечное), эон (временное) и кайрос (прерывистость времени); динамика и неравномерность времени; прошлое, настоящее, будущее; эпоха, современность; полнота времени. В Новоевропейский период и вплоть до сегодняшнего дня при рассмотрении времени как философской категории выделяются два рода классических концепций: *субстанциональная* (время как отдельная реальность, существующая наряду с носителем бытия) и *реляционная* (время как отношение, образуемое взаимодействием носителей бытия). Некоторые исследователи, разрабатывая теорию времени, учитывают ещё и *метафизическую, психологическую и субъективистскую* концепции [19, с. 158]. Таким образом, вместе с накоплением ценных научных основ представлений о сущности времени, как мы видим, формируется и основной недостаток классических представлений

времени – отрыв времени от носителя времени (того, чьё это время), а также от дления жизни носителя (потока постоянных изменений того, кому принадлежит это дление) и гипостазирование этих различных отрывов и разрывов в понимании сущности времени. Как замечает С.А. Аскольдов, «отмысливание» времени от жизни, от живого сознания оставляет во времени мёртвое рядоположение статистических моментов, так как их некому, нечем и нечего сознать [20, с. 15].

В *неклассическом мировоззрении* накопленные классицизмом понятия времени развиваются, углубляются. Происходит своего рода переоткрытие времени, открытие его нелинейности и пра-времени. Время начинают соединять с пространством, формируется «пространственно-временной континуум», но главное – время начинают «приближать» к жизни. А. Бергсон заложил основу концепции времени как длительности, дления и понимания времени человеческого, духовного, социального существования как иной – не физической – реальности. По Бергсону, время есть дление, причём оно включает «длительности различной эластичности», тогда как «однородное время... представляет собой идол языка, фикцию... В действительности нет единого ритма длительности: можно представить себе много различных ритмов». Наше восприятие делает время неподвижным, сгущает «огромные периоды бесконечно растянутого существования в несколько дифференцированных моментов более интенсивной жизни, резюмируя таким образом очень длинную историю» [21, с. 291].

В этот период начинает выявляться специфика времени в социально-гуманитарном знании, особое внимание привлекает «социально-историческое время» человеческого бытия и бытия человеческой культуры. Большое значение имеют здесь опыт и идеи *герменевтики*. Время осмысливается уже в различных формах: как углубление понимания «темпоральности жизни»; как внутренняя характеристика жизни вообще, жизни субъекта; как реальность постигаемого в переживании; как дистанция между автором, текстом и интерпретатором; как параметр «исторического разума»; как осознание очерченности на точные отрезки в естествознании и неотграниченности в историческом времени (А. Дильтей, Г. Гадамер, П. Рикёр, М. Хайдеггер и др.).

Вопросы времени оказались в центре внимания анналовской школы (М. Блока, Л. Февра, Ф. Броделя). Её представители разработали в рамках социального времени специфику исторического времени, пытаясь устранить недостаток школы «традиционной истории», обращавшей внимание лишь на крупные события, на короткие отрезки времени. В центр своих исследований анналовская школа поставила реальное время, поделив его на «короткое время» и «длительное время», что охватывало все формы жизни исторического процесса, столетия и тысячелетия, всю историю человечества. Не «история-повествование», а «история-проблема» должна быть в фокусе внимания исследователя исторического времени, а сущность такой проблемы диктуется культурой общества, к которому принадлежит сам историк. В связи с исследованием загадочного одновременного поворота мировой истории от мифологического к рациональному философскому мировоззрению К. Ясперс вводит понятие *осевого времени*. Таким образом, неклассические представления не только значительно меняют и обогащают традиционные концепции времени, но и субъективизируют

и релятивизируют время, рассматривают его нередко вне его объективного характера. Особенно это свойственно феноменологическому методу исследования времени. Время «не есть время мира опыта, но имманентное время протекания сознания» [22, с. 6]. Бытийствует ли время и какова его природа – на эти два главных вопроса классическая и неклассическая концепции отвечали таким образом: время фактически не бытийствует, так как оно отделено от носителя времени (абстрактное время и т. п.) и в конечном счёте привнесено сознанием человека.

В *современном неоклассическом миропонимании*, исходя из последних достижений науки, более философски обоснованной видится реляционно-генетическая теория реального времени-дления (Стенона – Бергсона – Вернадского – Пригожина – Мандельброта) [23, 9]. Она пытается вобрать всё ценное из предыдущих позиций, выходя на новый уровень понимания, на уровень реального – *фрактального времени*. Понимание сущности времени важно непременно связывать с тем, что называют «жизнь», с её спонтанностью, неровностью, бахромистой трансгрессией и подобными характеристиками. Фрактальность – это не только геометрическое, но и всеобщее свойство бытия. Согласно реляционно-генетической теории времени, реальное время – это дление бытия различной *длительности* его *жизни*², а также инвариантный аспект любых неровных проявлений длительности, неоднородных (рванообразных) *стадий изменений* реальности. А не только механического движения (реляционная концепция) или движения, оторвавшегося в воображении от своего носителя (субстанциональная, библейская концепции), или движения лишь самого воображения (психологическая, субъективистская концепции). При этом различается общее – объективное и субъективное время. Последнее дифференцируемо на личное время, социальное время и другие формы и характеристики дления (проживания) человеческого бытия – индивидуального, группового (сообществ) и общечеловеческого. Значительный вклад в реальное понимание времени внёс Хайдеггер своим онтологическим подходом, в котором соединил время с бытием. Стало понятно, что время – это мера предоставленности присутствия в бытии, это мера существования сущего в бытии и последовательность смены одного сущего другим. Через время бытие открывает себя, открывает свою бездонность [12, с. 380, 157, 174].

Время – это форма существования бытия, характеризующая *длительность проживания* (истрачиваемость, обновляемость жизни) каких-либо относительно конечных предмет-процессов бытия, которые протекают как независимо, так и зависимо от человека и человечества, характеризующая *границы* и *стадии* их изменения и развития, смену их *состояний*. Время – это ответ на вопрос, каков «век жизни» чего-то, кого-то; ответ на вопрос о *состоянии* появления и *пробытия* в сущем этого некоего. Очень трудно приходит осознание «производного характера времени» – того, как выражается И. Пригожин, что «время не может возникнуть из невремени», то есть из чего-то совершенно вневременного,

² Жизнь есть особая форма существования бытия, это различная мера одновременного сочетания материи и духа в бытии, сущность которой заключается в каком-либо самосоздании, самовоспроизводстве, сохранении самой себя и неудержимом расширении своих границ. Жизнь есть проявление спонтанности бытия, укоренённости в нём самопричинности: различного рода хюбрис, трансгрессии, событийности. См. подробнее: *Меньчиков Г.П.* Жизнь как философская категория // Вестн. МГУКИ. – 2008. – № 5. – С. 13–17.

например из абстрактного пространства [24, с. 132–133]. Поскольку время событийно, неотвлекимо от ситуаций, реально не существует «чистого времени», «одинакового времени». Время – это всегда чьё-то время: время *жизни* бытия или время *жизни* конечных явлений-со-бытий в бытии; время неотделимо от того, сколько длится простираемость (жизнь) чего-то; время выражает непрерывно-прерывистый каузальный (причинный, а шире детерминистский) порядок мироздания, объективный, противоречивый, реальный (процессуальный) порядок *дления вечности мироздания* и *дления жизни до «смерти» его конечных явлений* (от их «рождения», появления из вечности – из предбытия – и до превращения в вечность – в инобытие).

Для конечных явлений вечного бытия время многомерно, фактически *n*-мерно. Время и относительно, поскольку возникает вместе с его носителем. На каждом уровне организации мироздания время проявляет себя специфично, в связи с этим говорят о времени микро-, макро- и мегамира; о времени так называемой неживой, а также живой, социальной, духовной форм бытия. Учёные выделяют не только всеобщие философские, но и метрические и топологические (хронотопные) свойства времени. Основными метрическими характеристиками времени являются относительно стабильные длительность и мгновение, а также динамические модусы времени: неравномерность, прерывистость, ритмы, циклы, отрезки. Мгновение – это далее нерасчленимый (условный, гносеологически предполагаемый) квант длительности. Длительность – совокупность мгновений, продолжительность жизни объекта, в течение которой сохраняется сущность и существование в сущем какого-либо объекта. К топологическим свойствам времени относят однонаправленность (векторность), многомерность, необратимость [25, с. 288–292]. По аналогии с субстанцией музыкального времени можно говорить о существовании субстанциональных характеристик времени в целом – масштаба дления, или «метра», «ритма», «теперь-точек» субъективного опыта течения времени [26, с. 75]. Не менее трудно понять специфику объективности и в то же время производности социального времени. Не случайно в Присутствии Хайдеггер не даёт ответа на вопрос, что же такое время, но постепенно меняет сам вопрос: «из “что есть время?” он превратился в “кто есть время?”, а точнее “суть ли *мы* время?”, а ещё точнее “есмь ли я время?”» [27, с. 84].

Если время как философская категория отражает различные параметры длительности жизни бытия предметов-событий-ситуаций мироздания, а также мироздания в целом, то *социальное время* отображает общее условие и меру становления-проживания человеческого бытия, *меру осуществления спонтанности человеческой родовой жизни*. Социальное время есть внутреннее дление общественной жизни, оно вписано во внешнее по отношению к нему дление природных процессов. Человек не вид, а род в бытии. В социальном времени мера дления бытия проявляет себя качественно по-иному и означает человека-размерно. Существование человека как (а) сложной макросистемы, (б) живого организма, (в) социального и (г) культурного существа протекает в разных временных масштабах с разными относительно друг друга скоростями при наличии скрывающегося под ними онтологически «единого» физического времени. Человеко-размерное время включает в себя биологическое время, психологическое

время, социальное пространство-время, социальную память, не только объективное, но и субъективное время.

В субъективном времени возможна информационно-виртуальная инверсия, когда человек, физически пребывая в настоящем, может «окунуться» в детство, вновь пережить первую любовь, почувствовать горечь возможных потерь и т. д. Субъективное время – это время меры события, это другая длительность, которая отражает в нашем сознании на основании информационного обмена психологической памяти цепочку состоявшихся, существующих и ожидаемых событий, состояний, переживаний. Субъективное время вносит в реально длящиеся процессы (изнашивания-обновления предметов-событий-ситуаций) значимость и оценку, эмоциональность и интенсивность переживания. Поэтому оно принципиально неравномерно, фрактально-поточнообразно, в нём иное дление и нет единственной истинной меры длительности. Интуиция времени у человека связана с ритмами его мозга (Н. Винер). В живые организмы словно встроены некие биологические часы. Во внутренней субъективной реальности человек легко «перемещается во времени», а потому мгновение, оставаясь мгновением, оказывается текущим и длящимся (так называемая двуколейность переживания). Пониманию особенностей субъективного времени уделяли внимание выдающиеся философы XX в. Первым о внутреннем чувстве времени, его длении заговорил А. Бергсон. На время как нечто личное, достоверное, что противоположно тому чужому, что вмешивается в нашу жизнь, указывает О. Шпенглер. Другие мыслители рассматривали социальное время как «присутствие» (М. Хайдеггер), как «темпоральность» (Августин, Г. Лейбниц; темпоральные характеристики восприятия бытия – «теперь-точка», «ретенция», «протенция» – изучал Э. Гуссерль), как «осевое время» (К. Ясперс). Социальное время отличается и от философского, и от астрономического времени. В бытии природного мира нет социального времени, но есть аналоги, подобия.

Социальное время – это совокупность темпоральных отношений в обществе, временные параметры деятельности людей, характеризующие процессы изменчивости, происходящие в обществе. Социальное время имеет собственную организацию и структуру, в которой выделяют: (а) время истории народа и человечества; (б) время расцвета наций и этносов, системы, государства, страны; (в) время человеческого бытия. Специфика социального времени состоит в том, что культура есть ещё и система кодов, через которые передаётся информация о способах социальной жизни и её «очеловечивающих человека» ценностях. В этой информации в свёрнутом виде задана *длительность, плотность и ритмика* деятельности предыдущих поколений, которая может быть отброшена, а может быть и использована. И сама смена поколений выступает как прерывание линии сохранения культуры и её обновления. Социальное время непременно переосмысливается в гуманитарном контексте, поскольку *имеет дело с жизнью вообще, с её живым своенравным духом (со-знанием, не-осознаваемым, душой человека) в особенности*. Специфика социального времени состоит также в том, что в нём обнаруживается, как подмечает С.А. Аскольдов, *сила удержания прошлого и некоторого предвидения будущего*, которой обладает лишь живое сознание или жизнь вообще [20, с. 14].

Социальное время многолико. Во-первых, социальное время обусловлено ритмической природой социальной жизни, а в ней – *деятельностью* людей (преимущественно трудовой, по её определению) и так называемым *живым движением* (Н.А. Бернштейн, С.Л. Рубинштейн), в котором особенно заметна его производность. Живое движение – «неиссякаемый источник и ресурс для создания других функциональных органов более высокого порядка» с их длением жизни. В отличие от механического *живое движение* является преодолением и *построением собственного* пространства, а не *перемещением* в пространстве, да и описывается уже топологическими, а не метрическими категориями, как правомерно подчёркивает В.П. Зинченко [28, с. 83].

Во-вторых, оно заметно проявляет себя в *последовательности* действий, в предписанных традициях, передаваемых через имя (в архаической формации) или через схемы технологий (в позднейших формациях). Время выражает себя в *передаче опыта* поколений. Само понятие «поколение» есть понятие временное. Поскольку моменты передачи опыта чреваты искажением информации, её трансформацией и перекодированием, а то и полной утратой, то в социальном времени создаётся *рисунок времени*. В связи с тем, что представители нового поколения могут вызвать новые события и процессы, в социальном времени образуется *ритмика истории*. Смена поколений идёт достаточно быстро, а выполнение поколением социально значимых ролей происходит и того быстрее: оно может занимать лишь треть биологического времени жизни поколения. Появляется *изменяющаяся ритмика истории*.

Изменения способов человеческой жизнедеятельности на протяжении истории влияли на характер протекания социального времени. Особенно это заметно в современном обществе, где, по образному выражению А.В. Назарчука, «часы тикают иначе, чем прежде». Время уже не может быть и восприниматься как константа, оно рекурсивно, до известной степени обратимо, событийно (время есть отрезок, череда событий, «в которые нечто успеваётся»); время становится «относительным» – всякий раз возникающим, как и пространство. «Общество развития, то есть общество, понимающее задачу роста как свой основополагающий императив, относится ко времени совсем иначе. Рост является изменением величины за одинаковую дельту времени. Время и изменение – критериологические понятия для общества развития. <...> Время само по себе является потоком, содержит в себе изменение» [14, с. 61–63]. В связи с этим во времени, пишет Н.А. Бердяев, обнаруживается «злое начало, смертоносное и истребляющее». Будущее пожирает и прошлое, и настоящее. Но с более широких позиций познания с этим нельзя согласиться, поскольку любое *конечное имеет выход в вечность* через инобытие – *предбытие, своё-бытие и послебытие*. Так что разрыв и угроза, исходящие от будущего, устраняются историей. История имеет прочность, в ней действует «истинное время» – «ноуменальное, а не феноменальное», в котором проявляется родовая сущность человека, а потому нет разрыва между прошлым, настоящим и будущим [29, с. 402].

П. Сорокин и Р. Мертон, анализируя качественную природу социального времени, доказывали, что смысл событию придаёт его *временное оформление*, что знание *специфических периодов времени* зависит от значения, приписываемого им. Важным они считали понятие *качественного времени*, при этом указывали,

что социальное время представляет собой качественное явление, а не только количественное, что *чувство времени* возникает из верований и обычаев, общих для той или иной группы. Они подчёркивали важность аналитических различий между социальным и астрономическим временем.

В-третьих, представление о времени является ключевым в категориальной сетке мышления и модели мира, выстраиваемой каждой культурой. То, какой смысл вкладывается в понятие «время» тем или иным народом, той или иной культурой, зависит от многих причин. Формообразующая, *конструирующая функция времени в культуре* проявляется в том, что каждая культура самоопределяет себя во времени, создавая свой *календарь*, называя дату своего рождения, вехи своего развития, формируя представления о центре времени, выдвигая определённые концепции времени. Календарь не просто отмеряет время суток, а является хранителем коллективной памяти народа, его культуры, организатором его сознания, точкой опоры в дрящемся бытии. Через календарь время культуры воспринимается и концептуализируется. Мало найдётся других показателей культуры, которые в такой же степени характеризовали бы её сущность, как понимание времени. В концепции времени воплощается рефлексия эпохи и деятельности, интерпретация сложившейся культуры, ритм социального времени и эффективность прогностического сознания. Все эти моменты детерминируют исторически-культурную парадигму времени.

Итак, суть переоткрытия времени и пространства состоит в изменении представлений о детерминированности и её предметности. Исторические изменения в представлениях о детерминированности (особенно о причинности) мироздания и его конечных явлений обуславливают изменения в понимании пространства и времени.

Современность. Сложное и интересное явление «современность» вбирает такие модусы времени, как вечность; настоящее, прошлое, будущее; новое, старое; мода; архаика и модерн в новом, модерн и архаика в старом. Непросто совпадать со временем. С каким и в чём? Мода как поверхностная современность, как фактическое безвременье неизбежна, и пусть она будет; внутреннее трудно выразить иначе, как только через внешнее, а оно близко к поверхностному. Непросто быть «неповерхностно современным». К.Г. Юнг справедливо отмечает, что современный человек встречается достаточно редко. Поскольку *действительно современный человек существует в подлинно настоящем*: ценит, осваивает прошлое, укоренён в прошлом, достаточно глубок в настоящем, созидает в настоящем элементы будущего; и всё это по факту одновременно, в метрически настоящем – здесь и сейчас (а не «здесь и сейчас любой ценой») [30, с. 293–296]. Современность как темпоральное событие сопоставимо с точкой бифуркации: она не относится ни к прошлому, ни к будущему, но, будучи всецелым присутствием в бытии, в истории, вмещает в себя и то и другое, несёт хюбрис (временную необузданность, неочерченность и трансгрессию эмпирически настоящего – «нарушение» временных границ). Современность становится настоящим в том случае, если происходящее здесь и сейчас обретает всемирно-исторический, вечный смысл. «Сверхзадача» пребывающего в сиюминутности как раз и состоит в том, чтобы «прорваться» к подлинно настоящему, вечному. Слово сочетание

«сэкономить время» применительно только по отношению к социальному времени, а не физическому, метрика которого задана самой природой. Специфика социального времени тесно связана со спецификой социального пространства. «Ускорение» времени и «сжатие» пространства формируют контекст текучей хронотопной современности.

Хронотоп в социально-гуманистическом знании. Пространство и время в гуманитарном контексте неизбежно переосмысливаются. С этой целью в оборот входит такое понятие, как хронотоп, введённое А. Ухтомским и М. Бахтиным. Хронотоп (от греч. *chronos* 'время' и *topos* 'место') – отображение времени и пространства в художественном или подобном произведении в их единстве, взаимовлиянии и трансформации [31]. Если шире, то хронотопом можно назвать единство пространственно-временных характеристик какого-либо события в конкретной ситуации бытия. Близкое к нему значение имеет понятие «пространственно-временной континуум», в сущности обозначающее то же самое, но применяемое онтологически в философии. Понятие хронотопа в его универсальном значении показывает, насколько трудно согласиться с таким мнением, что «чувства человека (в смысле ощущения своего душевного состояния – счастье, страдание, покой, тревога и т. п.) не имеют никакого отношения к физическому времени, или длительности», а все душевные состояния находятся вне времени и телесного мира [19, с. 161].

Особенности художественного хронотопа состоят в том, что с его помощью воспроизводят пространственно-временную картину мира и организуют композицию произведения, но не прямо, а конструируя условный образ. Поэтому в произведениях искусства художественное время и художественное пространство не тождественны реальному времени и пространству. Это именно образ времени-пространства со своими сконструированными художником или политиком особенностями и признаками. Такое время-пространство может соотноситься или не соотноситься с реальным историческим и локальным. Время может быть непрерывным, развёртывающимся линейно, а может быть намеренно переставленным (в виде композиции, инверсии, ретроспекции), замедленным (ретардация), свёрнутым (ремарка). В художественном хронотопе существует психологическое время – отражённое в сознании героя, нарочито замедленное или вовсе останавливающееся, обозначенное одной фразой, например: «Прошёл год». Такое движение времени объясняется тем, что за указанный промежуток произошедшие события не важны для дальнейшего развития действия. Хронотоп, выраженный фразой-приёмом «в то время как», показывает одновременное параллельное действие в различных точках пространства. Создаваемое художественное пространство есть некая модель, картина мира, в котором происходит действие. Пространство при этом может быть широким или узким, открытым или замкнутым, реальным или вымышленным (как в сказке или фантастическом произведении).

Возникает вопрос, зачем это делается? С помощью хронотопа художнику удаётся художественно «сутрировать», сгустить пространство-время, *чтобы выявить самое существенное, не дать пропустить основное, главное.* Ведь хронотоп, по М.М. Бахтину, соединяет с помощью сознания «все мыслимые

пространственные и временные отношения» в единый центр; «время здесь сгущается, уплотняется, становится художественно-зримым; пространство же интенсифицируется, втягивается в движение времени, сюжета, истории» [32, с. 235]. Хронотоп делает онтологически зримым «время-движение», «пространство-движение», очарование «переходных состояний» пространства-времени [33].

«Медиация», «переходный период», «переходность», «транзит», «фазовый переход», «переходное состояние» – все эти явления долгое время не исследовались, а социально-гуманитарное знание не догадывалось об их самобытной сущности. Сейчас они становятся важным предметом специального философского анализа.

Переосмыслению концепта пространства-времени в художественной реальности способствовала тонкая разработка художественного пространства-времени с применением фигур хронотопа, а также топохрона и симфоры³. Определенность фигурами хронотопа, топохрона и симфоры (Р.Р. Тазетдинова) «формирует атмосферу сопереживания... рождает иррациональное упоение чувством жизни, культивирует ценности неожиданных импровизаций и интерпретаций... сигнализирует о наличии пространства-времени в “творении” экзистенциального пространства» и времени [34, с. 61–68]. Художественный хронотоп имеет различные составляющие, которые чаще всего обладают символическим смыслом. Существуют пространственные символы: в литературе можно говорить об особом значении таких элементов хронотопа, как город и деревня, земля и небо, дорога, сад, дом, усадьба, порог, лестница и др. Есть и временные символы: смена времён года, переход от дня к ночи и т. п. Жанровая специфика определяется в том числе и жанровым хронотопом. Жанр баллады выражает историческое или фантастическое время и пространство, эпосу свойственно эпическое время, в лирике представлено субъективно и лирически окрашенное время и пространство, нарушающее-размыкающее все границы пространства и времени. Эвристичность понятия хронотопа проявляется в социальном хронотопе при изучении ядра и периферии культуры, отторжений и притяжений различных культур.

Резюме. Итак, главная суть пространственного поворота и переоткрытия времени – переход к более *реальному* их осмыслению: фрактальному пространству и фрактальному времени, их фрактальной специфике и неразрывности. Это свидетельствует о том, что архитектура философии постмодернизма «выходит из своих тупиков» [16], что постмодерн является вчерашним днём в том смысле, что он «уже покрывается налётом истории» [35], претерпевает качественное изменение, переходя в неоклассическую стадию своего развития. И наконец, переосмысление категорий пространства и времени в гуманитарном контексте приводит к необходимости говорить о социальном пространстве, социальном времени, социальном хронотопе как в отдельности, так и в их хронотопном, топохронном и симфоры состояниях.

³ Симфора (от греч. *symphora* ‘совмещение, соотношение’) – это третья фигура сгущения пространства и времени, но в ней делается акцент уже на сгущение сопереживания, чувства, а не на сам факт сжатия дления-простираемости предмет-процесса.

Summary

G.P. Menchikov. On the Question of “Rediscovery” of Space and Time and Their Specific Features in Social Sciences and Humanities.

The paper attempts to clarify the rediscovery of space and time taking place in philosophy, as well as its peculiarities in the context of social sciences and humanities. The problem is that the modern neoclassical understanding of space and time is fundamentally different from both classical and non-classical ones. In addition, space and time in social sciences and humanities should be distinguished from those in philosophy and natural sciences.

Keywords: classical world outlook, non-classical world outlook, neoclassical world outlook, fractal determinism, fractal continuum, situational approach, truth of co-existence.

Литература

1. *Пригожин И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 310 с.
2. *Стёпин В.С.* Методологические идеи В.И. Вернадского и наука XXI столетия // Филос. науки. – 2014. – № 3. – С. 7–21.
3. *Фатенков А.Н.* Стратегия осмысления бытия: реализм в полемике с конструктивизмом и теорией отражения // Вопр. философии. – 2011. – № 12. – С. 117–128.
4. *Солодухо Н.М.* Характеристика ситуации и сущность ситуационного подхода как средства познания // Ситуационные исследования. – Казань: Изд-во КГТУ, 2005. – Вып. 1: Ситуационный подход: по материалам всерос. семинара. – С. 3–15.
5. *Тайсина Э.А.* Очерки новой гносеологии: в 4 ч. – Казань: Казан. гос. энерг. ун-т, 2010. – Очерк 2: Онтология экзистенциального материализма. – 138 с.
6. *Пригожин И.* Перспективы исследования сложности // Системные исследования: Методологические проблемы. Ежегодник, 1986. – М.: Наука, 1987. – С. 45–57.
7. *Аршинов В.И.* Синергетика конвергирует со сложностью // Вопр. философии. – 2011. – № 4. – С. 73–83.
8. *Солодухо Н.М.* Методологические принципы построения ситуационной картины мира // Ситуационные исследования. – Казань: Изд-во КГТУ, 2011. – Вып. 4: Ситуационная картина мира: по материалам междунар. науч.-филос. конф. – С. 6–11.
9. *Меньчиков Г.П.* Фрактальность – всеобщее свойство бытия // Учён. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2008. – Т. 150, кн. 4. – С. 80–86.
10. *Богатых Б.А.* Фрактальная природа постнеклассического познания // Филос. науки. – 2007. – № 6. – С. 27–40.
11. *Меньчиков Г.П.* О неоклассическом типе детерминизма // Философия в современном мире: диалог мировоззрений: Материалы VI Рос. филос. конгр.: в 3 т. – Н. Новгород: Изд-во НГУ, 2012. – Т. 2. – С. 46–47.
12. *Хайдеггер М.* Время и бытие. – М.: Республика, 1993. – 447 с.
13. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 607 с.
14. *Назарчук А.В.* Социальное время и социальное пространство в концепции сетевого общества // Вопр. философии. – 2012. – № 9. – С. 56–66.
15. *Николаева Е.М.* Социализация личности: синергетический дискурс (опыт социально-философского исследования). – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2005. – 175 с.
16. *Гоффлер Э.* Революционное богатство: как оно будет создано и как оно изменит нашу жизнь. – М.: АСТ: Профиздат, 2008. – 569 с.
17. *Рубцов А.В.* Архитектоника постмодерна. Пространство // Вопр. философии. – 2012. – № 4. – С. 34–44.

18. *Баева Л.В.* Электронная культура: опыт философского анализа // *Вопр. философии.* – 2013. – № 5. – С. 75–83.
19. *Курашов В.И.* Философия: познание мира и феномены технологии. – Казань: КГТУ, 2001. – 326 с.
20. *Аскольдов С.А.* Время и его преодоление // *Мысль: Журн. Петерб. филос. о-ва.* – 1922. – № 3. – С. 13–32.
21. *Бергсон А.* Материя и память // *Бергсон А. Собр. соч.: в 4 т.* – М.: Моск. клуб, 1992. – Т. 1. – С. 160–317.
22. *Гуссерль Э.* Феноменология внутреннего сознания времени // *Гуссерль Э. Собр. соч.* – М.: Логос: Гнозис, 1994. – Т. 1. – С. 6–102.
23. *Симаков К.В.* Концепция реального времени-дления В.И. Вернадского // *Вопр. философии.* – 2003. – № 4. – С. 88–100.
24. *Фалёв Е.В.* Проблематизация времени в феноменологии Э. Гуссерля и раннего Хайдеггера // *Филос. науки.* – 2014. – № 2. – С. 132–143.
25. *Философия науки / Отв. ред. Т.П. Матяш.* – Ростов н/Д: Феникс, 2006. – 496 с.
26. *Макина А.В.* Музыкальное время: философско-эстетические и музыковедческие концепции XX века // *Вопр. философии.* – 2013. – № 7. – С. 73–79.
27. *Фалёв Е.В.* Экзистенциальная дедукция времени в работах М. Хайдеггера периода «Бытия и времени» // *Филос. науки.* – 2014. – № 3. – С. 84–99.
28. *Зинченко В.П.* Философско-гуманитарные истоки психологии действия // *Вопр. философии.* – 2014. – № 3. – С. 73–84.
29. *Бердяев Н.А.* Смысл истории // *На переломе: филос. дискуссии 20-х гг.: Сб. ст.* – М.: Политиздат, 1990. – С. 398–415.
30. *Юнг К.Г.* Проблема души современного человека // *Юнг К.Г. Проблемы души нашего времени.* – М.: Прогресс, 1994. – С. 293–316.
31. *Сунгуров А.* Понятие хронотопа и его возможности для анализа политических структур и процессов // *Полис.* – 2003. – № 6. – С. 62–70.
32. *Бахтин М.М.* Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // *Вопросы литературы и эстетики.* – М.: Худож. лит., 1975. – С. 234–407.
33. *Делёз Ж.* Кино. – М.: Ad Marginem, 2004. – 622 с.
34. *Тазетдинова Р.Р.* Театральность в контексте научных представлений. – Казань: Изд-во КГУКИ, 2011. – 299 с.
35. *Рубцов А.В.* Архитектоника постмодерна. Время // *Вопр. философии.* – 2011. – № 10. – С. 37–47.

Поступила в редакцию
14.05.14

Меньчиков Геннадий Павлович – доктор философских наук, профессор кафедры философии и культурологии, Казанский государственный университет культуры и искусств; профессор кафедры философии, Институт экономики, управления и права, г. Казань, Россия.

E-mail: menchikovgp@mail.ru